

Igor V. Brodsky

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Anthroponyms in Finno-Permic Compound Plant Names

Voprosy onomastiki, 2017, Volume 14, Issue 2, pp. 90–99

DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.2.012

Language of the article: Russian

Бродский Игорь Вадимович

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

Антропонимы в составе финно-пермских сложных и составных фитонимов

Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 90–99

DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.2.012

Язык статьи: русский

АНТРОПОНИМЫ В СОСТАВЕ ФИННО-ПЕРМСКИХ СЛОЖНЫХ И СОСТАВНЫХ ФИТОНИМОВ

В данной работе на материале финно-пермских языков — ветви финно-угорских языков, исключая угорские языки, — рассматриваются сложные по форме названия растений, содержащие антропонимы. Такие фитонимы сравнительно немногочисленны и зафиксированы не во всех языках ветви, что в числе прочих причин может объясняться неполной на сегодняшний день собранностью этого материала. Наибольшее количество фитонимов, включающих антропонимический компонент, отмечается в финском и эстонском языках, тогда как в онимиконе других финно-пермских языков подобные названия единичны. Антропонимы в составе названий растений делятся на две группы: а) имеющие библейское происхождение (например, фин. *Aapraham, Aatam, Jeesus, Maaria*), б) иные антропонимы. В рамках первой группы наиболее многочисленны прибалтийско-финские названия растений, содержащие имена *Johannes* и *Maria* и их национальные варианты. Имя *Johannes* (фин. *Juhammus*, эст. *Jaani*), например, особенно часто встречается в составе названий травянистых растений, цветущих в период празднования Иванова дня — с этим праздником в народном сознании связано множество поверий и обычаев, в которых те или иные растения играют заметную роль. С точки зрения формы интересной особенностью прибалтийско-финских сложных фитонимов, содержащих антропонимы, является аллитерация — повторение одинаковых или близких звуко сочетаний в начале каждого компонента слова, как, например, в финских названиях *liisanlilukka, simonsien*.

Ключевые слова: финно-угорские языки, прибалтийско-финские языки, антропонимы, антропонимические дериваты, названия растений, фитоним, фитонимия, мотивационный анализ, этнолингвистика.

© Бродский И. В., 2017

В финно-пермских языках¹ встречаются сложные по форме фитонимы (названия растений), включающие антропонимический компонент. В неродственных языках, в том числе контактных, подобные названия также представлены — ср., например, рус. *анютины глазки*, *иван-чай*, нем. *Johannisbeere* (букв. «ягода Иоганна»), франц. *Marguerite de Saint Michel* (букв. «нивяник св. Михаила») и т. п.

В пределах рассматриваемой нами языковой группы фитонимы, содержащие антропонимический компонент, весьма немногочисленны, а в некоторых языках они вообще не зафиксированы.

В соответствии со словообразовательными особенностями финно-пермских языков в большинстве рассматриваемых фитонимов присутствует детерминант — определитель класса объектов, занимающий в структуре наименования конечную позицию: ср., например, лив. *juur* ‘корень’ (*peettõr/juur* ‘букашник горный’, букв. «петров корень»²), фин. *ruoho* ‘трава’ (*maarian/ruoho* ‘манжетка’, букв. «трава Марии»), к.-зыр. *тушак* ‘гриб’ (*ванька тушак* ‘козляк’, букв. «ванькин гриб»). В качестве детерминанта может выступать и самостоятельное название растения: ср. фин. *liisan/lilukka* при *lilukka* ‘костяника’, букв. «костяника Лизы».

Другую группу интересующих нас фитонимов образуют названия-метафоры, ср. фин. *aatamin/kämmen*, букв. «ладонь Адама»; *jesuksen/kynnen/heinä*, букв. «трава ногтя Иисуса»; лив. *peettõr/ke'iz*, букв. «рука <святого> Петра». В большинстве случаев антропоним в составе названия растения является определяющим компонентом, но иногда выступает и как определяемый компонент.

Антропонимы, входящие в состав сложных финно-пермских фитонимов, имеют разное происхождение: это либо имена библейских персонажей, либо другие личные имена.

Ниже, с дифференциацией по отдельным языкам, в виде словника представлены примеры финно-пермских названий растений, содержащих антропонимы. При этом антропонимы приводятся в вариантах, принятых в соответствующем языке³.

Финский язык

Aabram, Aapraham, Abraham (Авраам): *aabramin/kukka*, *aaprahamin/kukka*, *abrahamin/kukkain* ‘купальница европейская’, букв. «цветок Авраама».

Aatam (Адам): *aatamin/koura* ‘ятрышник’, букв. «ладонь Адама»; *aatamin/kukka* ‘купальница европейская’, букв. ‘цветок Адама’; *aatamin/kämmen* ‘любка двулистная’, букв. «ладонь Адама».

¹ Финно-пермские языки — ветвь финно-угорских языков, исключая угорские языки.

² Здесь и далее для удобства читателя компоненты сложных финно-угорских фитонимов разделяются знаком / (слеш).

³ При подготовке статьи автором использовано более 30 лексикографических источников, из которых в список литературы помещены лишь основные. Из иных работ в этот список помещены только те, на которые автор счел нужным сослаться в тексте.

В финском языке есть названия ятрышника, представляющие собой целые описательные конструкции: *aadamin ja eevan käden kukka*, *aatamin ja eevan koura*, *aatamin ja eevan kukka*, *aatamin ja e(e)van kämmen*, *aatamin ja eevan käs'*, ингерм. *uatam-ja-ieva*, *uatamin-ja-ievan/käs'*, *uatamin ja ievan kiäjet ja jalat* [Коппалева, 2007, 275].

Названия ятрышника в финском языке содержат имена и других библейских и мифологических персонажей, ср. *jesuksen/kämmen/kukka*, букв. «цветок ладони Иисуса»; *hiien/kämmen*, букв. «ладонь Хииси» (в языческой прибалтийско-финской мифологии имя *Хииси* носит дух леса).

Anna (Анна): *annan/silmä* 'бегония', 'вероника лекарственная', 'очанка лекарственная', 'фиалка', букв. «глаз Анны». Этот фитоним, возможно, является калькой русского названия *анютины глазки*.

Antti (Андрей): *anttin/kukka* 'пижма', букв. «цветок Андрея».

Je(e)sus (Иисус): *jeesuksen kukkanen*, *jesuksen/kukka* 'иван-чай', 'ятрышник', букв. «цветок (цветочек) Иисуса»; *jesuksen/kynnen/heinä* 'трясунка средняя', букв. «трава ногтя Иисуса»; *jeesuksen/käden/kukka* 'ятрышник', букв. «цветок руки Иисуса»; *jeesuksen/kämmen*, *jeesuksen/kämmekkä*, *jesuksen/kämmen/kukka*, *jeesuksen/kämmenen/kukka* 'кокушник длиннорогий', 'ятрышник', букв. «ладонь Иисуса», «цветок ладони Иисуса»; *jeesuksen/silmä* 'манжетка', букв. «глаз Иисуса». Большинство названий, включающих данное имя, относится к ятрышнику.

Johannes, Juha (Иоанн) и другие варианты: *johanneksen/kukka*, *johanneksen/kukkanen* 'зверобой', 'ромашка аптечная', 'таволга вязолистная', букв. «цветок <святого> Иоанна»; *johanneksen/kämmen*, *juhanneksen/kämmen* 'ятрышник', букв. «ладонь <святого> Иоанна»; *johanneksen/ruoho*, *johanneksen/ruohot* 'василистник желтый', 'зверобой', 'пижма', 'ромашка аптечная', 'таволга вязолистная', букв. «трава <святого> Иоанна».

Jussi (Иоанн): ингерм. *hullu/jussi* 'бальзамин', букв. «глупый Юсси» [Коппалева, 2007, 86].

По отношению к фин. *jussin/heinä*, *jussin/parta*, *jussin/takku*, *jussin/tukka* 'белосу торчащий' (букв. «борода Юсси», «волосы Юсси», «трава Юсси») можно добавить следующее: на наш взгляд, многочисленные прибалтийско-финские названия белоуса, содержащие компонент *juss(i)*, являются давними продуктами народной этимологии, а фактически происходят от общеприбалтийско-финского **juusi* 'волос' (растение характеризуется очень тонкими волосоподобными стеблями).

Katri (Катерина): ингерм. *katrin/kohtu* 'незабудка' [Там же, 141]. Учитывая специфику говора, фитоним может быть буквально истолкован как «кофта Катри (Катерины)», хотя фин. *kohtu* имеет и иные значения.

Liisa (Лиза): *ahkeralliisa* 'бальзамин', букв. «усердная Лиза»; *liisan/kukka* 'нивяник', букв. «цветок Лизы»; *liisan/lilukka* 'костяника', букв. «костяника Лизы».

Фин. *ahkeralliisa*, распространенное по всей Финляндии, в том числе в ингерманландских говорах, является, вероятно, калькой швед. *flitiga Lisa* — названия

бальзамина вида *Impatiens walleriana*. В случае фин. *liisan/lilukka* семантически избыточное определение, по-видимому, удерживается в фитониме из-за аллитерации *li — li*.

Ma(a)ria (Мария): *maarian/heinä* ‘зубровка’, букв. «трава Марии»; *maarian/kengän/nauhat* ‘гвоздика травянка’, букв. «шнурки <обуви> Марии»; *maarian/kämmekkä* ‘ятрышник’, букв. «орхидея Марии»; *marjan/makkuu/heinä*, ингерм. *tuarian/makkoo/heinä* ‘тимьян’, ‘душистый колосок’, букв. «сонная трава Марии»; *maarian/ruoho* ‘манжетка’, букв. «трава Марии»; *maarian/sänky/ruoho* ‘тимьян’, букв. «трава <для> постели Марии».

В рассматриваемой группе фитонимов представлен и вариант *neitsy(t) Ma(a)ria* ‘Дева Мария’: *neitsy maarian sängyn/oljet*, *neitsyt maarian sängyn/olki* ‘подмаренник настоящий’, ‘подмаренник северный’, ‘тимьян’, букв. «солома <для> постели Девы Марии»; *neitsyt maarian sängyn/pahnoja* ‘подмаренник настоящий’, букв. «подстилка постели Девы Марии»; *neitsy maarian sänky/ruoho* (*neitzen marian sängyn ruoho* в [Tillandz, 1683]) ‘душистый колосок’, ‘ландыш майский’, ‘подмаренник настоящий’, букв. «трава <для> постели Девы Марии». В образовании названий типа *marjan/makkuu/heinä* или *tuarian/makkoo/heinä* определенную роль играет аллитерация *ma — ma*.

Как можно видеть, множество названий связано со своеобразным посвящением какого-либо растения Деве Марии и указанием на его «роль»: шнурки для обуви, солома для постели и т. п.

Simon (Семён): ингерм. *simon/sien* ‘лисичка’, букв. «гриб Симона (Семёна)» [Коппалева, 2007, 141]. В названии просматривается аллитерация *si — si*.

Эстонский язык

Anna (Анна): *anna/silm* ‘фиалка полевая’, букв. «глаз Анны». По-видимому, это название — калька рус. *анютины глазки*.

Jaап (Иван): *janni/hein*, *jaani/eina*, *jaani/hain* ‘зверобой’, ‘истод горьковатый’, ‘марьянник луговой’, ‘мелколепестник едкий’, ‘окопник лекарственный’, ‘тимьян ползучий’, букв. «трава Яана, иванова трава»; *jaani/jalg* ‘марьянник дубравный’, букв. «нога Яана, иванова нога»; *jaani/kann*, *jaani/kannike* ‘марьянник дубравный’, ‘первоцвет мучнистый’, букв. «цветок Яана, иванов цветок»; *jaani/lill*, *jaani/lilled*, *jaani/läll* ‘василек синий’, ‘василисник водосборолистный’, ‘водосбор’, ‘герань болотная’, ‘зверобой’, ‘иван-чай’, ‘клевер горный’, ‘клевер луговой’, ‘короставник полевой’, ‘кукушкин цвет’, ‘марьянник дубравный’, ‘мелколепестник едкий’, ‘нивяник’, ‘первоцвет мучнистый’, ‘погремок’, ‘подорожник средний’, ‘тимьян ползучий’, букв. «цветок Яана, иванов цветок»; *jaani/mari* ‘смородина красная’, букв. «ягода Яана, иванова ягода»; *jaani/putk* ‘василисник водосборолистный’, букв. «дудник Яана, иванов дудник»; *jaani/rohi* ‘зверобой’, ‘клевер горный’, ‘марьянник дубравный’, ‘мелколепестник едкий’, ‘подорожник средний’, букв. «трава Яана, иванова трава»; *jaani/sõster* ‘смородина красная’, букв. «смородина Яана,

иванова смородина»; *jaani/tee* ‘тимьян ползучий’, букв. «чай Яана, иванов чай»; *jaani/õis, jaani/õied, jaani/õied* ‘букашник горный’, ‘клевер горный’, ‘марьянник дубравный’, ‘мелколепестник едкий’, ‘первоцвет мучнистый’, букв. «цветок Яана, иванов цветок».

В названии *jaani/jalg* отмечается аллитерация *ja — ja*. Фитоним *jaani/mari* ‘смородина красная’ калькирует, видимо, нем. *Johannis/beere*.

Liisa (Луза): *matsakas Liisa* ‘плющ’, букв. «сильная Лииса».

Ma(a)rja (Мария): *maarja/hein, maarja/hain* ‘душистый колосок’, ‘дягиль’, ‘зубровка’, ‘любка двулистная’, ‘маргаритка многолетняя’, ‘снуть’, ‘тимьян ползучий’, букв. «трава Марии»; *maarja/härja/pea* ‘клевер золотистый’, букв. «клевер Марии»; *maarja/kask* ‘береза карельская’, ‘береза карликовая’, букв. «береза Марии»; *maarja/lill* ‘маргаритка многолетняя’, букв. «цветок Марии»; *marja/rohi* ‘душистый колосок’, ‘зверобой’, ‘зубровка’, ‘маргаритка многолетняя’, ‘тайник яйцевидный’, ‘тимьян ползучий’, ‘трясунка средняя’, букв. «трава Марии»; *maarja/õis, maarja/õied* ‘маргаритка многолетняя’, ‘таволга’, ‘тимьян ползучий’, букв. «цветок Марии». Ср. также эстонский фитоним *ivan/da/maarja* ‘марьянник дубравный’, явно восходящий к рус. *иван-да-марья*.

Peeter (Пётр): *peetri/lill* ‘подорожник ланцетолистный’, букв. «цветок Петра».

Ливский язык

Jān, Jõn (Иван): *jān/put'kõz* ‘ятрышник’, букв. «иванов цветок»; *jõn/āina* ‘ятрышник пятнистый’, букв. «иванова трава».

Moor'a (Мария): *moor'a/pa'i* ‘разновидность полыни’, букв. «ива Марии».

Peettõr (Пётр): *peettõr/juur* ‘букашник горный’, букв. «петров корень»; *peettõr/ke'iz* ‘ятрышник пятнистый’, букв. «рука <святого> Петра».

Водский язык

Jovana (Иван): *jovana/l'el'o* ‘иван-да-марья’, букв. «иванов цветок»; *jovana/roho* ‘иван-да-марья’, букв. «иванова трава».

Maarja (Мария): *maarja/kahtsi, maarja/koivu* ‘береза карельская’, букв. «береза Марии»; *mārja/roho* ‘чабрец’, букв. «трава Марии».

Карельский язык

Iivana (Иван): карел. *iivanan/heinä, iivanan/heiny* ‘лютик’, букв. «иванова трава»; карел. *iivanan/kukku* ‘лютик’, букв. «иванов цветок»; ливв. *iivanan/boba*, люд. *iivanam/boba* ‘лютик’, букв. «ивановы бобы»; карел. *iivanam/päivä/heinä* ‘лютик’, букв. «трава Иванова дня»; карел. *iivanam/päivä/kukka* ‘лютик’, букв. «цветок Иванова дня»; карел. *iivanam/päivä/kukkan'e* ‘купальница’, букв. «цветочек Иванова дня».

Romana (Роман): карел. *romanen/kukka* ‘ромашка’, букв. «цветок Романа».

И ж о р с к и й я з ы к

Māria (Мария): *mārian/heinä* 'зубровка', букв. «трава Марии».

Скорее всего, фитоним заимствован из финских говоров, ср. фин. *maarian/heinä* 'зубровка'.

К о м и - з ы р я н с к и й я з ы к

Иван: *иван лунъя турун* 'калужница болотная', букв. «трава Иванова дня».

Формы этого имени отражены также в двух следующих названиях.

Ванька: *ванька тишак* 'козляк', букв. «ванькин гриб».

Иванушка: *кузь кока иванушка* 'подберезовик болотный', букв. «длинноногий Иванушка».

В коми-зырянском языке известен также фитоним *адама глава турун* 'венерин башмачок', букв. «адамова голова — трава». Первые два компонента представляют собой несколько измененное заимствование из русского языка (от библейского антропонима с помощью суффикса *-а* образовано прилагательное, в то время как рус. *глава* в основном своем значении не заимствовалось в коми язык).

Рус. *адамова голова* относится не только к венерину башмачку (или башмачку настоящему), но и ко многим другим растениям [см.: АОС, 1, 63; СРДГ, 1, 2; СРНГ, 1, 205]. А. В. Юдин [1997, 69] полагает, что это название давалось растениям, имеющим какие-либо круглые элементы («головы») или используемым в народной медицине как средства от головной боли. В русских уральских говорах башмачок имеет включающее тот же антропоним название *адамовы слёзы*.

К о м и - п е р м я ц к и й я з ы к

Марья: *марья/вуж* 'марьян корень', букв. «то же». Это несомненная калька русского фитонима.

М а р и й с к и й я з ы к

Ана (мужское имя): *Ана няня шудо* 'неидентифицированное растение', букв. «трава хлеба Аны» [см.: ЭСМЯ, 1, 107].

Как видно из представленных данных, в целом ряде языков фитонимы, в состав которых входят антропонимы, отсутствуют. Мы связываем этот факт со слабой собранностью фитонимического материала, особенно характерной для так называемых малых финно-угорских языков. Можно констатировать отсутствие указанных фитонимов даже в таких замечательных по качеству и полноте лексикографических источниках, как мордовский словарь Паасонена [MW]. В результате подавляющее большинство рассматриваемых нами фитонимов обнаруживается в двух наиболее изученных в лексическом плане прибалтийско-финских языках — финском и эстонском.

Финские фитонимы, относящиеся к ингерманландским говорам и включающие антропонимы, рассматривались Ю. Э. Коппалевой в монографии, посвященной фитонимии этих говоров [Коппалева, 2007, 45, 64, 139–141 и др.]. В работе присутствует ряд ценных наблюдений, множество диалектных названий растений введено в научный оборот. По поводу материалов Коппалевой отметим, что ингерманландские фитонимы, включающие антропонимы, почти всегда имеют соответствия в других финских говорах.

Как уже говорилось, антропонимы в составе названий растений делятся на две семантические группы: условно «библейские» (фин. *Aapraham, Aatam, Jesusus, Maaria*), иногда сопровождающиеся соответствующим пояснением (например, фин. *neitsyt maarian sängyn/olki*, букв. «солома постели Девы Марии»), и иные антропонимы. При этом в пределах названия одного и того же растения антропонимы могут свободно варьировать между собой и чередоваться с именами, относящимися к другим тематическим группам лексики, — ср., например, названия ятрышника пятнистого в финских диалектах: *aatamin ja e(e)van kämmen*, букв. «ладонь Адама и Евы»; *jeesuksen/kämmen*, букв. «ладонь Иисуса»; *johanneksen/kämmen*, букв. «ладонь Иоанна»; *maarian/kämmen*, букв. «ладонь Марии»; *jumalan/kämmen*, букв. «божья ладонь»; *ämmän/kämmen*, букв. «бабья ладонь»; *karhun/kämmen*, букв. «медвежья ладонь».

Названия ятрышника, включающие компонент ‘ладонь’, не случайны: раскрытые цветы этого растения напоминают протянутые ладони; Ю. Э. Коппалева предполагает, впрочем, что именно «корень ятрышника напоминает две сцепленные руки» [Коппалева, 2007, 64]. На наш взгляд, это сомнительно, поскольку корень — не самая заметная часть растения; во всяком случае, в фин. *uatamin ja ievan kiäjet ja jalat* ‘ятрышник’ (букв. «руки и ноги Адама и Евы») компоненты *kiäjet* ‘руки’ и *jalat* ‘ноги’ могут относиться только к форме цветка.

В сложные названия других растений также входят определяемые компоненты, обозначающие какие-либо части тела: «глаз», «рука», «нога», «ладонь», «ноготь». С соответствующими частями тела сравниваются, в связи с их внешней схожестью, конкретные части растений — листья, цветки, корни. Например, в ингерм. *jesuksen/kynnen/heinä* ‘трясунка средняя’ (букв. «трава ногтя Иисуса») мотивация связана с внешним видом растения: его колосковые соцветия напоминают вытянутые человеческие ногти. Очевидно, части растений, имеющие необычную форму, привлекают особое внимание и поэтому становятся значимыми при номинации всего растения.

Мотивация ряда финских фитонимов именем *Johannes, Juhannes, Juha* и т. п., по мнению Ю. Э. Коппалевой [2007, 67–68], связана с обычаем, в соответствии с которым в Иванову ночь девицы клали под подушку двенадцать различных трав, гадая на суженого. Разнообразие растений, имеющих такие названия, говорит, как нам кажется, в пользу этого объяснения. По-видимому, то же относится к эстонским и карельским фитонимам, мотивированным соответственно именами *Jaani*

и *Iivana*. Во всяком случае, эта мотивация связана со временем цветения почти всех перечисленных растений, включающим и Иванов день (у лютеран — 24 июня).

Такие же названия имеются и в не родственных финно-угорским контактных языках — ср., например, рус. *иванов цвет*, нем. *Johannisblume* и др. Вообще трактовка мотивации указанных фитонимов в прибалтийско-финских языках сложна, так как она может быть связана с разными сторонами национальной культуры, а также с культурными и языковыми контактами. В частности, финское название *juhanus/kukka* ‘зверобой’ (букв. «трава Иванова дня») обусловлено, скорее всего, влиянием рус. *иван-чай*, имеющего в числе других такое же значение. Зверобой, как и иван-чай, использовался для приготовления чайных напитков, а фин. *juhanus/kukka* относится к целому ряду завариваемых в пищевых целях трав (иван-чай, мелкопестник, золототысячник и др.). По-видимому, с рус. *иван-чай* связаны и многочисленные эстонские названия зверобоя с компонентом *jaani*, например *jaani/hain*, *jaani/lill*, *jaani/rohi*.

Необходимо отметить, что большинство растений, названия которых мотивированы в прибалтийско-финских языках именами *Johannes*, *Maria* и их вариантами, обладают выраженным приятным запахом. Это обстоятельство говорит в пользу их «посвященности» христианским святым, как и факт украшения ими лютеранских церквей по праздникам [см.: SK, 1, 511–512].

В целом семантическая структура группы фитонимов, мотивированных названиями человека (включая антропонимы), и сложных фитонимов, в которых названия человека являются определяющей частью, отличается большой сложностью. Это объясняется значительной разницей между сферами духовной культуры у финно-угорских народов, а именно здесь особое, исключительное место занимает человек и все, связанное с его образом. К сожалению, материал для нашего исследования весьма ограничен; это обстоятельство, например, крайне редко позволяет провести какой-либо его сравнительный анализ.

Таким образом, финно-пермские названия растений, содержащие антропонимы, немногочисленны и сосредоточены в основном в прибалтийско-финских языках. В большинстве случаев антропонимы, мотивирующие фитонимы, относятся к библейским; в образовании прибалтийско-финских сложных по форме названий растений заметную роль играет аллитерация.

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М. : Изд-во МГУ, 1980—. Вып. 1—
Коппалева Ю. Э. Финская народная лексика флоры (становление и функционирование). Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2007.

СРДГ — Словарь русских донских говоров : в 3 т. / авт.-сост. З. В. Валюсинская и др. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1975–1976.

- СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетова (вып. 23–42), С. А. Мызникова (вып. 43–46–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- ЭСМЯ — *Гордеев Ф. И.* Этимологический словарь марийского языка : в 2 т. / под ред. И. С. Галкина. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1979–1983.
- Юдин А. В.* Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М. : МОНФ, 1997.
- MW — *Paasonens H.* Mordwinisches Wörterbuch. B. 1–5. Helsinki : LSFU, 1990.
- SK — Suuri Kasvikirja. O. 1–3 / toim. J. Jalas. Helsinki : Otava, 1958–1980.
- Tillandz E.* Catalogus plantarum, quae prope Aboam tam in excultis, quam incultis locis hucusque inventae sunt. Aboae : [s. n.], 1683.

Рукопись поступила в редакцию 23.09.2016

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

ингерм.	ингерманландские говоры финского языка	лив.	ливский язык
карел.	собственно-карельское наречие карельского языка	ливв.	ливвиковское наречие карельского языка
к.-зыр.	коми-зырянский язык	люд.	людиковское наречие карельского языка

* * *

Бродский Игорь Вадимович

кандидат филологических наук, доцент кафедры уральских языков, фольклора и литературы Института народов Севера Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, Санкт-Петербург,
наб. реки Мойки, 48
E-mail: kodima@mail.ru

Brodsky, Igor Vadimovich

PhD, Associate Professor, Department of Uralic Languages, Folklore and Literature, Institute of Nordic Peoples The Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moika emb., 191186, St Petersburg, Russia
E-mail: kodima@mail.ru

Igor V. Brodsky

The Herzen State Pedagogical University of Russia
St Petersburg, Russia

ANTHROPONYMS IN FINNO-PERMIC COMPOUND PLANT NAMES

With reference to Finno-Permic languages (a branch of Finno-Ugric languages excluding Ugric languages), the article analyses compound names of plants (phytonyms) containing

anthroponyms. Such phytonyms are relatively small in number and are not attested in all Finno-Permic languages, which, *inter alia*, can be explained by the incompleteness of collected data. Most of phytonyms with anthroponymic elements are attested in the Finnish and Estonian languages, while in the other Finno-Permic languages such attestations are rare. The anthroponyms appearing in names of plants are divided into two groups: a) personal names of Biblical origin (e.g. Finnish *Aapraham*, *Aatam*, *Jeesus*, *Maaria*), b) other anthroponyms. In the first group, the most numerous are Balto-Fennic phytonyms with the names *Johannes* and *Maria* and their national variants. The name *Johannes* (Finnish *Juhannus*, Estonian *Jaani*) is most often present in the names of herbaceous plants flourishing in the period of celebration of Saint John's Eve. Traditionally, this feast is associated with numerous rites and customs in which some plants play a significant role. An interesting formal feature of Balto-Fennic deanthroponymic compound names of plants is alliteration, i.e. repetition of identical or similar sound clusters in the beginning of each part of the word, as in Finnish *liisanlilukka* 'stone bramble,' *simonsien* 'chanterelle, girofle'.

Key words: Finno-Ugric languages, Balto-Fennic languages, anthroponyms, plant names, phytonym, phytonymy, motivational analysis, ethnolinguistics.

- Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., & Myznikov, S. A. (Eds.). (1965–). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A Dictionary of the Russian Popular Dialects] (Vols. 1–). Moscow; Leningrad; Saint Petersburg: Nauka.
- Getsova, O. G. (Ed.). (1980–). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [The Arkhangelsk Regional Dictionary] (Vols. 1–). Moscow: Izd-vo MGU.
- Gordeev, F. I. (1979–1983). *Etimologicheskii slovar' mariiskogo iazyka* [The Etymological Dictionary of the Mari Language] (Vols. 1–2). Joshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo.
- Jalas, J. (Ed.). (1958–1980). *Suuri Kasvikirja* [Great Plantbook] (Vols. 1–3). Helsinki: Otava.
- Koppaleva, Ju. E. (2007). *Finskaia narodnaia leksika flory (stanovlenie i funktsionirovanie)* [Finnish Folk Plant Names: Formation and Use]. Petrozavodsk: KarNTs RAN.
- Paasonens, H. (1990). *Mordwinisches Wörterbuch* [The Mordvinic Dictionary] (Vols. 1–5). Helsinki: LSFU.
- Tillandz, E. (1683). *Catalogus plantarum, quae prope Aboam tam in excultis, quam incultis locis hucusque inventae sunt*. Aboae: [s. n.].
- Valiusinskaya, Z. V. et al. (1975–1976). *Slovar' russkikh donskikh govorov* [A Dictionary of the Russian Dialects of the Don River Region] (Vols. 1–3). Rostov-on-Don: Izd-vo Rostov. un-ta.
- Yudin, A. V. (1997). *Onomastikon russkikh zagovorov. Imena sobstvennye v russkom magicheskom fol'klоре* [Onomasticon of Russian Charms. Proper Names in Russian Magical Folklore]. Moscow: MONF.

Received 23 September 2016